

Век мой – ад

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Ирина АЛПАТОВА

Совсем недавно московское издательство "Элис Лак" закончило выпуск наиболее полного на сегодняшний день семитомного собрания сочинений и писем Марины Цветаевой. Достойным завершением этого уникального по своей ценности издания стала книга Анны Саакянц "Марина Цветаева. Жизнь и творчество".

Из российских исследователей поэзии Цветаевой Анна Саакянц, пожалуй, является одним из наиболее авторитетных. На ее счету десятки публикаций в периодических изданиях, предисловия и комментарии к поэтическим сборникам, статьи и монографии, хорошо известные знатокам и любителям творчества поэта. Нынешняя книга — достойный итог, завершение работы нескольких десятилетий, объемное, аналитическое и многоплановое исследование.

Повествуя о Цветаевой, многие авторы порой разводят понятия "жизнь" и "творчество" по разным полюсам. В работе же Анны Саакянц между этими категориями можно поставить знак равенства. Как, впрочем, был этот знак от природы дан и самой Марине Ивановне. Любое произведение, тема, мотив, настроение, персонаж в творчестве Цветаевой коренятся в жизненных ситуациях, встречах, дружбах, эпистолярных "романах" поэта. Саакянц блестяще проследживает эту зависимость, обобщает ее, проясняя и комментируя отдельные моменты, направляя читательское восприятие в нужное русло. Параллельно биографии самой Цветаевой подробно воссоздаются трагические и полные драматизма судьбы родных поэту людей: мужа Сергея Эфрона, дочери Ариадны, сына Георгия.

Книга Анны Саакянц вводит в оборот массу новых, ранее неопубликованных материалов: писем, воспоминаний, документов, свидетельств современников, проливающих свет на многие малоизвестные эпизоды из жизни Цветаевой, в частности, последних месяцев эмиграции и возвращения в Советский Союз. Автор преподносит их читателю не с беспристрастием летописца или музейного хранителя, а тонко и четко анализируя, вписывая в контекст времени, страны и эпохи. Оттого и рассказ о Цветаевой звучит не частной биографической хроникой, а повествованием о судьбе Поэта, его взаимоотношениях с веком и миром.

Анне Саакянц удалось главное и, пожалуй, самое сложное: понять и воплотить на страницах книги Марину Цветаеву именно как Поэта. С его странностями и причудами, неумением и нежеланием жить в "быте", предпочитая ему высокое и недосыгаемое "бытие", с его врожденным творческим эгоизмом, порой рикошетом ударяющим по судьбам близких, с ранним тяготением к смерти как уходу и неприятию несовершенства мира. А лейтмотив этого настроения был когда-то с болью высказан самой Цветаевой: "Раз голос тебе, Поэт, дан, остальное — взятो". ●

МАРИНА
ЦВЕТАЕВА

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

Эддис Лак